

въ Константинополѣ, посѣтили и Досиеея, который показывалъ посланцѣ купленные имъ греческія хроники, напечатанныя во Франціи по гречески и по латынѣ. Посланники полюбопытствовали спросить патриарха: „какъ они французы тѣ книги печатають, понеже въ вѣрѣ и въ иныхъ церковныхъ догматахъ имѣють великое разнствіе и совершенно ли знаютъ эллино-греческій языкъ?“ — Досиеей отвѣчалъ, „что печатають всю старину правдою, развѣ малое что не печатають, которое имъ что къ поношенію и ко укоризнѣ належитъ, а эллино-греческій языкъ достаточно знаютъ“ — „Потомъ святѣйшій патриархъ звалъ посланниковъ въ другую палату и показывалъ книги древніе греческіе и латинскіе, которыхъ въ ящикахъ больше тысячи книгъ и говорилъ: что у него тѣ книги вмѣсто вотчинъ, которые имѣють въ московскомъ государствѣ святѣйшій патриархъ и митрополиты и монастыри“¹⁾.

Такъ относился Досиеей къ русскимъ царямъ и патриархамъ, стараясь выяснитъ имъ лежація на нихъ обязанности относительно какъ церкви русской, такъ и относительно всего вселенскаго православія. Они должны были, по его мнѣнію, прежде всего заботиться о томъ, чтобы русская церковная жизнь была постоянно и во всемъ вѣрна началамъ и правиламъ православія, чтобы въ ней никогда и ни въ чемъ не допускалось никакихъ нововведеній, малѣйшихъ перемѣнъ или какихъ либо отступленій отъ разъ установленнаго отцами, и чтобы она текла всегда въ тѣсной связи и единеніи со всею православною церковію, чтобы возникающіе въ ней болѣе важныя церковныя вопросы и недоумѣнія рѣшались всегда мыслию и совѣтомъ всѣхъ представителей православной церкви, такъ какъ только подъ этимъ условіемъ „сохранится союзъ любви и соединеніе духа мира и достоинство апостольской каѳолической вѣры немаленнымъ, но обновленнымъ и непоколебимымъ.“ Во вторыхъ, они не должны были ограничиваться заботами только объ одной русской церкви, а постоянно обращать свои взоры и на весь православный міръ, всюду облегчая участь православныхъ,

всюду оказывая православію помощь и защиту, всюду содѣйствуя торжеству его надъ иновѣріемъ. Горячая ревность о православіи, забота о его сохраненіи и поддержаніи, желаніе, чтобы Россія была его прочною опорой и защитой, чѣмъ она однако можетъ быть только подъ условіемъ, если вся ея собственная церковная жизнь всегда и во всемъ останется вѣрна православію, руководила Досиеемъ, когда онъ поучалъ русскихъ государей и патриарховъ относительно лежащихъ на нихъ обязанностей; эта же ревность о православіи побуждаетъ его зорко слѣдить за всею церковною жизнью Россіи, совѣтывать, наставлять, а иногда и обличать. Но Досиеей не довольствовался одними только общими наставленіями царямъ и патриархамъ, а принималъ въ русской церковной жизни и непосредственное живое участіе, или по вызову самого русскаго правительства, которое въ большинствѣ случаевъ приглашало его быть посредникомъ въ своихъ сношеніяхъ съ восточными патриархами по дѣламъ церковнымъ, или же по собственной инициативѣ, когда онъ считалъ себя обязаннымъ вмѣшаться въ русскую церковную жизнь или въ интересахъ всего православія; или въ интересахъ самой же русской церкви.

ГЛАВА II.

Въ первый разъ Досиеей вошелъ въ сношенія съ русскимъ правительствомъ еще будучи архидіакономъ при іерусалимскомъ патриархѣ Нектаріѣ (съ 1661 по 1666 г.) по поводу дѣла Никона, въ которомъ онъ принималъ живое и дѣятельное, хотя и негласное участіе. Въ грамотѣ къ п. Іоакиму въ 1686 году Досиеей пишетъ: „егда пріѣзжалъ іеродиаконъ Мелетій (посланный на востокъ по дѣлу Никона), работали мы тогда съ прилежаніемъ, понеже елико бысть тогда, совершилася все рукою нашею, зане блаженныя памяти бывшій патриархъ (т. е. Нектарій) бояшеса воступити на сія!“¹⁾ Въ 1706 году въ одномъ изъ писемъ къ тогдашнему нашему

¹⁾ Турецкіе статейные списки № 27, л. 203.

¹⁾ Архивъ. Юго-запад. Рос. V, 144.

турецкому послу Толстому Досиоей между прочимъ писалъ: „мы обрѣтаемся въ домѣ божественнаго (т. е. русскаго царя) слуги уже нынѣ сорокъ три года (и такимъ образомъ относитъ начало своей службы русскому правительству къ 1663 году, когда дѣйствительно по дѣлу Никона въ первый разъ отправился на востокъ грекъ іеродіаконъ Мелетій), понеже когда былъ архидіакономъ у блаженнѣйшаго патріарха Киръ Нектарія, писахомъ письма къ блаженные памяти къ царю Алексію Михайловичу и зналъ онъ, блаженные памяти, состояніе наше“¹⁾. Это свидѣтельство самаго Досиоея объ его участіи въ дѣлѣ Никона еще въ санѣ архидіакона, подтверждается и нѣкоторыми другими данными. Когда въ 1665 году къ патріарху Нектарію прибыли посланные русскимъ правительствомъ звать его въ Москву греки Стефанъ и Василій да подъячій тайнаго приказа Перфілій Оловениковъ, то они прежде всего „послали письмо къ архидіакону Досиоею, чтобъ онъ про ихъ пріѣздъ патріарху извѣстилъ. И архидіаконъ Досиоей, не сказывая патріарху, приходилъ къ нимъ на подворье, чтобъ съ ними видѣться и, пошедь, патріарху извѣстилъ, и патріархъ не велѣлъ быть къ себѣ покамѣста вѣсти не пришлетъ. И въ другомъ часу ночи пришедь, архидіаконъ сказалъ, что его прислалъ патріархъ, а велѣлъ Стефану и подъячему Перфілю и Василю греку быть къ себѣ на подворье“. Іерусалимскій архимандритъ Іоасафъ писалъ государю въ 1665 году: „по отъѣздѣ Перфильевѣ (Оловеникова) пріѣхалъ къ намъ архидіаконъ іерусалимскій, присланъ отъ патріарха іерусалимскаго для дѣлъ св. гроба, который имѣлъ приказъ патріаршій возвѣстити нѣчто Перфілю изустно; но понеже уѣхалъ скоро, писалъ архидіаконъ къ вашему царскому величеству, что ему приказано было отъ патріарха, и тѣ письма послалъ съ гречениномъ Иваномъ Алексѣевымъ, съ братомъ Ильинимъ, которые всѣ истины суть и рукою архидіакона Досиоея писаны,—то знаю, что тѣ всѣ истины“. Эти письма Досиоея къ царю Алексію Михайловичу были имъ получены, какъ это видно изъ его грамоты къ патріарху Нектарію въ 1665 году, въ которой онъ говоритъ:

„по латынѣ архидіаконъ твой Досиоей нѣкая намъ возвести“¹⁾. Ночто именно писалъ Досиоей, царь не говоритъ, а самыя письма Досиоея намъ неизвѣстны.

Въ какую сторону направлялось участіе Досиоея въ дѣлѣ Никона, это хорошо видно изъ грамотъ п. Нектарія, которыя, по заявленію самаго Досиоея, были писаны собственно не Нектаріемъ, а имъ Досиоеемъ. 20 марта 1664 года п. Нектарій, или точнѣе его архидіаконъ Досиоей, пишетъ государю, что онъ получилъ присланную ему съ іеродіакономъ Мелетіемъ грамоту, но „въ сей грамотѣ мы не нашли ни причины удаленія святѣйшаго патріарха вашего киръ Никона, сослужителя и брата о Христѣ нашего смиренія, никакой другой вины противъ него, кромѣ пятилѣтняго его отсутствія... Что касается противниковъ (Никона), то, по сказанію его (Мелетія), не многія и недостойныя вниманія приводятъ они причины противъ Никона; а о Никонѣ же сказалъ нѣкоторыя важныя дѣла, почти неизвинительныя, кои всѣ суть нововведенія, которыя намъ кажутся не очень достовѣрными... Намъ кажется, что вы мирнымъ образомъ можете успокоить это дѣло, и снова однажды или дважды пригласить киръ Никона, чтобы онъ возвратился на свой престолъ, показавъ ему статьи положенія для точнаго соблюденія: и ежели онъ окажется сперва преступившимъ оныя, а потомъ раскается и дастъ обѣщаніе соблюдать, то достоинъ прощенія; ибо часто случалось весьма много таковаго и еще важнѣйшаго въ церкви, и все поправлено для мира и тишины. И такъ просимъ мы священное ваше величество, чтобы вы не преклоняли слуха своего къ совѣтамъ мужей завистливыхъ, любящихъ мятежи и возмущенія, а наипаче, если таковыя будутъ изъ духовнаго сана...“²⁾.

Досиоей былъ сторонникомъ примиренія съ царемъ Никона и хлопоталъ о возвращеніи послѣдняго на патріаршую кафедру. Но уже поэтому самому онъ необходимо долженъ былъ столкнуться съ заклятымъ врагомъ Никона, добивавшимся его осужденія во что бы то нистало — съ извѣстнымъ гавскимъ

¹⁾ Сбор. госуд. грам. и догов. IV, 137.

²⁾ Историческое изслѣдованіе дѣла п. Никона, Гиббевета, т. II, стр. 759, 766, 802. Зап. рус. археол. общ. т. II, стр. 599.

¹⁾ Турецкія дѣла 1706 г. св. 7, № 2, л. 120.

митрополитомъ Паисіемъ Лигаридомъ. Досиеей ранѣе зналъ Лигарида какъ человѣка сомнительнаго православія и интригана, почему неодобрительно смотрѣлъ на его вмѣшательство въ дѣло Никона, даже предостерегалъ царя, чтобы онъ „не преклонялъ слуха своего къ совѣтамъ мужей завистливыхъ, любящихъ мятежи и возмущенія, а наипаче, если таковыя будутъ изъ духовнаго сана“, въ какихъ словахъ можно видѣть прямой намекъ именно на Паисія Лигарида. Самъ Паисій потомъ заявлялъ государю, что іерусалимскій архидіаконъ Досиеей пишетъ, „что я держуся боярской стороны и писалъ именемъ государевымъ грамоты къ патриархамъ, которыми дослѣваю конечное паденіе церкви восточныя и явную противность, аще бы таковы грамоты даны или взяты были въ руки турецкія или крымскіе, горе бы было всѣмъ христіанамъ церковнымъ и мірскимъ“¹⁾. Но старанія Досиеея сдержать Лигарида, побудить его дѣйствовать въ распрѣ царя съ Никономъ примирительно²⁾, не имѣли успѣха, Паисій не только не заботился о мирѣ церковномъ, но еще болѣе разжигалъ вражду между царемъ и Никономъ. Тогда Досиеей сталъ дѣйствовать противъ Лигарида рѣшительно. 29 іюля 1668 года въ Москвѣ получена была грамота п. Нектарія, писанная конечно Досиеемъ, въ которой Нектарій сообщалъ государю о Лигаридѣ, что тотъ былъ отлученъ и проклятъ еще его предшественникомъ п. Паисіемъ, что когда онъ, Нектарій, сдѣлался патриархомъ, то Лигаридъ не явился къ нему какъ бы слѣдовало, не представилъ своихъ грамотъ, а уѣхалъ сначала въ волошскую, а потомъ въ черкасскую землю, и „тамъ писалъ грамоты ложныя съ чѣмъ прійти къ тебѣ, великому государю, а что въ тѣхъ грамотахъ писалъ, мы того не вѣдаемъ, а кто тѣ грамоты ему въ черкасскихъ городѣхъ писалъ, тотъ нынѣ человѣкъ у насъ, а у него онъ былъ архимандритомъ, имя ему Леонтій“. Далѣе извѣщается, что полу-

1) Греческія дѣла 7175 г. № 2.

2) Въ этихъ видахъ Досиеей даже нарочно обращался къ Лигариду съ особымъ письмомъ, въ которомъ между прочимъ писалъ ему: „елико можеша о належачихъ къ миру церкви, стой крѣпко, зане возвѣстися намъ, яко твоя святыня, могій соблазномъ вредити, не глаголеши о мирѣ“. (Гибенета. Истор. изслѣд. дѣла п. Никона, ч. II, стр. 779).

ченныя отъ государя деньги на уплату епархіальныхъ долговъ, Паисій отослалъ съ своимъ племянникомъ на свою родину о. Хіость, а вовсе не въ епархію, которую онъ бросилъ уже 14 лѣтъ тому назадъ. „Даемъ подлинную вѣдомость, говоритъ грамота, что онъ (Лигаридъ) отнюдь ни митрополитъ, ни архіерей, ни учитель, ни владыка, ни пастырь, потому что онъ столько лѣтъ отсталъ и поправиломъ святыхъ отецъ есть онъ подлинно отставленъ и всякаго архіерейскаго чину лишень, только имянуецца Паисій“. Затѣмъ грамота указываетъ на то обстоятельство, что Лигаридъ „называется съ православными православнымъ“, а „латыни свидѣтельствуя и называютъ его своимъ, и папа римскій емлетъ отъ него на всякій годъ по двѣсти ефимковъ“¹⁾. Эта грамота, долженствовавшая повидимому совсѣмъ уничтожить Паисія, на самомъ дѣлѣ только принесла ему пользу, такъ какъ самъ царь рѣшился хлопотать предъ іерусалимскимъ патриархомъ о возстановленіи Паисія въ его прежнемъ достоинствѣ газскаго митрополита. Грамотою отъ 13 іюля 1669 года государь, извѣщая іерусалимскаго патриарха о московскомъ соборѣ, осудившемъ Никона, въ тоже время писалъ: „извѣщаю о митрополитѣ газскомъ Паисіѣ, котораго имѣемъ въ царскомъ нашемъ дворѣ какъ великаго учителя и переводчика нашего, да возымѣетъ первую честь и славу, какъ и было, поелику нѣкоторые, радующіеся злу, отъ зависти злословили его предъ святительствомъ вашимъ и безчестили и извергли; тѣмъ весьма опечалились и мы, вѣдая незлобіе его и благодатство, ибо много потрудился и постился въ странѣ нашей на соборѣ и о исправленіи Христовой церкви словомъ и дѣломъ. Но вмѣсто того, чтобы воспріять честь, воспріалъ безчестіе и срамоту, посему просимъ написать, чтобы онъ былъ принятъ съ прежнею честію, ибо намъ извѣстно житіе его и свидѣствуемъ его архіереемъ добрымъ и честнаго житія; а которые иноки оглашали его и предали, лжу сказали, ибо очушей вѣрѣе. Итакъ молимъ, да примется прошеніе наше, вѣдая, что ни учинилось отъ зависти и ради дружбы съ человекомъ“²⁾. Вмѣстѣ съ государемъ послалъ къ Нектарію

1) Греческія дѣла 7176 г. № 22.

2) Ibid. 7177 г. № 27.

свою грамоту о Лигаридѣ и московскій патриархъ Иоасафъ. Въ ней онъ пишетъ: „о всѣхъ писанныхъ къ намъ вами радуемся, точію едина печаль, аки дождь во время жатвы, ущербляетъ ведро веселія нашего: еже есть о запрещеніи и отлученіи отъ всякаго священнодѣйствія Паисія Лигаридіа. О семъ — какъ и гдѣ прежде живаше, нѣсть намъ извѣстіе совершенно, но отнелѣже пришедша его въ царствующій и богоспасаемый градъ Москву, познахомъ за девять лѣтъ и ничесоже видѣхомъ по немъ неистово и безчинно, паче же премногія труды его премудрїи многую пользу церкви великороссійстей принесоша, ихъ же мы благодарни суще, надежно молимъ братолюбіе ваше, да презрѣвши прошенія мѣрности нашей, даруеши ему оставленіе вины его, кая либо есть предъ святостію вашею, и благоволиши ему прислати писаніемъ своимъ архипастырскимъ прощеніе и благословеніе, зачеже всяческое являетъ по себе смиреніе и благопокорство къ твоему преблаженству, яко законному архипастырю своему, и молилъ есть со многократнымъ стужаніемъ благочестивѣйшаго самодержца о отпущеніи къ святительству твоему ради взысканія прощенія, яко же устнѣ предостовѣрный свидѣтель святѣйшій и всеблаженнѣйшій Паисій патриархъ великаго града Александріи и судія вселенскій о всѣхъ можетъ извѣстити. Но благочестивѣйшій, тишайшій, самодержавнѣйшій великій государь царь и великій князь Алексій Михайловичъ, всея великія и малыя и бѣлыя Россіи самодержецъ, благоволилъ его удержати благословныхъ ради винъ, сирѣчь, совершенія ради зачатаго толкованія нужнѣйшихъ нѣкихъ тайнописаній, и обѣщаль ему къ вашему святительству ходатай быти о прощеніи. Тѣмъ же аще твое преблаженство, поминающе Христово слово: будите милосерди, якоже и отецъ вашъ милосердъ есть, и ону молитву повсядневную: и остави намъ долги наша, яко и мы оставляемъ должникомъ нашимъ, — сотвори съ нимъ, всячески смиренно твоему жезлу архипастырскому преклоняющимся, отеческое милосердіе и остави долгъ его, дарующе прощеніе и благословеніе; будетъ отцу небесному благоприятно, царю благочестивѣйшему радостно, и нашей мѣрности благодарно, и всей церкви россійстей душеполезно. О семъ прилежное наше многократно усугубляюще прощеніе,

да исполненну и совершенну нашу радость соверши, имамы не забывать преблаженства вашего у престола царя небеснаго о милости, у земнаго же о милостыни, пособствія ради. ¹⁾ Эти грамоты государя и патриарха о Лигаридѣ были получены уже не Нектаріемъ, отказавшимся отъ патриаршества, а его преемникомъ Досиѣемъ, вступившимъ на патриаршую іерусалимскую кафедру 23 января 1669 года. 23 сентября 1669 года въ Москву прибылъ посланный Досиѣемъ архимандритъ Прохоръ, съ которымъ Досиѣей писалъ государю, что принялъ царскія грамоты „и прочитали о газскомъ митрополитѣ, чтобъ мы его простили, и что будто не имѣетъ вины на себѣ; а онъ, Лигаридъ, имѣетъ многія великія вины и согрѣшенія, которыя написавъ, послалъ было къ тебѣ великому государю свидѣтельства ради; только стыдъ послать насъ не допустилъ, отчего и возвратили. Толькое единое говоримъ, что киръ Нектарій патриархъ не таковскій, чтобы писать или говорить ложно, но такой въ правилѣ, что нынѣ иной такой архіерей разумный и богобоязный не будетъ“. Затѣмъ Досиѣей сообщаетъ царю, что Паисій писалъ такіа „неподобныя, хульныя, непотребныя и превознесенныя слова“ о патриархѣ Нектаріи, что уже за одно это его слѣдуетъ лишить архіерейскаго достоинства. Но такъ какъ о прощеніи Паисія молитъ царь, то онъ, патриархъ, и согласенъ отпустить Паисію его вины и возстановить его въ прежнемъ достоинствѣ газскаго митрополита. Съ архимандритомъ Прохоромъ государь послалъ на искупленіе св. Гроба 800 рублей соболями, да на 300 рублей соболей „по челобитью газскаго митрополита Паисія“, и въ тоже время писалъ Досиѣю: „нынѣ посланное дарованіе благоговѣйнымъ любезнымъ сердцемъ изволишь принять, имѣя впредь добрую надежду иное и большее воспріять, когда сбудутся наши желанія о газскомъ митрополитѣ, о коемъ молили уже чрезъ два писанія, да приметъ миръ архіерейской и на прежнее будетъ возвращенъ достоинство, и разрѣшеніе совершенное получить, добре намъ заслуженный Паисій Лигаридій“. Затѣмъ, оправдывая Паисія и объясняя взведенныя на него обвиненія дѣломъ злобы его враговъ, царь снова проситъ Досиѣю при-

¹⁾ Рукопись москов. синод. библ. № 130, л. л. 39—41.

слать Паисію полное разрѣшеніе, „ибо онъ былъ весьма достойный посредникъ и ходатай между столь великими архіереями восточными, двумя свѣтильниками и двумя маслинами востока“, просить, чтобы и бывший патріархъ Нектарій „равно обвинительныя какъ и доброхотныя словеса написаль къ намъ о митрополитѣ Паисіѣ, ради совершеннаго и послѣдняго удовлетворенія нашего, ибо свидѣтельствуемъ, что Лигаридъ всегда ублажалъ Нектарія и первое мѣсто премудрости между патріархами своего времени всегда держащимъ его исповѣдалъ“¹⁰⁾. Это вторичное ходатайство царя предъ Досиѣемъ о прощеніи Паисія имѣло полный успѣхъ. 24 января 1670 года грекъ Радіонъ привезъ въ Москву разрѣшительную грамоту Паисію отъ Досиѣя, который формально прощалъ Паисія во всѣхъ его винахъ и согрѣшеніяхъ, повелѣваетъ ему быть по прежнему въ архіерейскомъ достоинствѣ и чести и дѣйствовать все церковное. Но пославъ государю разрѣшительную грамоту для Паисія, Досиѣй въ тоже время самому Паисію послалъ особое письмо, въ которомъ, между прочимъ, писалъ слѣдующее: „еслибъ не было ходатайства святаго царева, увѣдалъ бы святительство твое, Лигаридій, что есть Дебора и кто есть мертводушныя? и кто только именемъ вѣруеть въ божественный промыселъ, тотъ ли кто работаетъ для напелей хійскихъ и оставилъ 15 лѣтъ паству безъ пастыря, или кто полагаетъ душу свою за овцы? Да, увидѣлъ бы ты варвара и слѣпна. Однако на тебѣ кончаются езоповы басни, гдѣ говорится, какъ козелъ бранилъ волка съ высокаго мѣста, ибо ты не столько великъ, сколько глупъ, безчеловѣченъ и безстыденъ, только мѣсто, гдѣ пребываешь, есть дворъ царскій; однако уцѣломудрись хотя отнынѣ впредъ“¹¹⁾. Однако въ Москвѣ нашлись лица, которые считали разрѣшеніе, присланное Досиѣемъ Паисію недѣйствительнымъ, о чемъ говоритъ самъ Лигаридъ въ грамотѣ государю. „Повѣствуютъ нѣщцы, пишетъ онъ царю, разрѣшеніе, присланное отъ патріарха Досиѣя іерусалимскаго, быти неправое для того, что я изверженъ былъ не отъ Досиѣя, но отъ Нектарія бывшаго патріарха іерусалимскаго и отъ священнодѣйствія отлученъ“,

1) Греческія дѣла 7178 г. № 6. Зап. рус. археол. общ. II, стр. 600.

2) Греческія дѣла 7178 г. № 27.

и затѣмъ доказываетъ несправедливость этого мнѣнія различными примѣрами, взятыми изъ исторіи церкви¹⁾. Но на этомъ дѣло о разрѣшеніи Лигарида не остановилось. Мы не знаемъ по какимъ причинамъ, но только не прошло и двухъ мѣсяцевъ послѣ разрѣшенія Паисія, какъ онъ снова былъ запрещенъ Досиѣемъ, и царь снова хлопочетъ о его разрѣшеніи. На этотъ разъ Алексѣй Михайловичъ обращается съ особою грамотою отъ 14 августа 1671 года къ волошскому воеводѣ Іоанну Дукѣ и сообщаетъ ему, что Паисій, разрѣшенный было по просьбѣ царя п. Досиѣемъ, чрезъ два мѣсяца, вслѣдствіе какихъ то жалобъ на Паисія, снова былъ запрещенъ, чему, говоритъ царская грамота, „мы великій государь, наше царское величество, удивились“, „о чемъ и архіереи государства нашего царскаго величества имѣють не мало жали (жалости)“, и „понеже намъ великому государю, нашему царскому величеству, въ другорядъ къ свѣтѣйшимъ патріархамъ притещи о прощеніи его митрополитовѣ не къ чести показася“, то онъ и просить уже воеводу poradѣть объ этомъ дѣлѣ предъ патріархами, и выражаетъ надежду получить отъ воеводы скорый и пріятный отвѣтъ вмѣстѣ съ разрѣшеніемъ Паисію²⁾. Но эти надежды царя не оправдались: Досиѣй не соглашался блѣе разрѣшить Паисія и умеръ съ убѣжденіемъ, что Паисій былъ латынникъ. Этотъ свой взглядъ на Паисія Досиѣй рѣшительно выразилъ въ своей „Исторіи патріарховъ іерусалимскихъ“, гдѣ онъ, перечисляя писателей грековъ съ 1580 года, говоритъ и о Лигаридѣ, именно: „28-й (писатель) Паисій Лигаридъ хіосскій, преданный латынству. Онъ написалъ толкованіе божественной литургіи, но въ пользу нововведеній римской церкви. Еще онъ оставилъ послѣ себя въ рукописи, въ 83-хъ тетрадахъ, исторію патріарховъ іерусалимскихъ, которою мы довольно пользовались въ настоящемъ своемъ сочиненіи. Въ ней онъ описаль патріарховъ,

1) Рус. сборникъ библ. моск. дух. Академіи подъ заглавіемъ „Житіе п. Никона, возраженія его боярину Стрѣшневу и митрополиту Паисію“ л. 518.

2) Эта грамота государя къ воеводѣ Іоанну Дукѣ напечатана въ приложеніи къ нашей книгѣ: Характеръ отношеній Россіи къ православному востоку въ XVI и XVII столѣтіяхъ, стр. 31.

бывших до Ираклія, а о патріархахъ послѣ Ираклія не сказалъ ничего достойнаго вниманія. Третья часть сего сочиненія содержитъ исторію патріарховъ-подвижниковъ; двѣ части написаны противъ восточной церкви, а особенно противъ Фотія и въ защищеніе папской власти. Узнавши объ сей исторіи и находя въ ней тяжкое богохуленіе, Меѳодій патріархъ константинопольскій и Нектарій іерусалимскій, предали ее анаемѣ, а Лигарида, какъ еретика, отлучили¹⁾.

Итакъ Досиѳей принималъ дѣятельное участіе въ распрѣ между царемъ и Никономъ, стараясь объ ихъ примиреніи и о возстановленіи Никона на патріаршей каѳедрѣ. Какъ сторонникъ Никона онъ естественно явился противникомъ Лигарида и слѣдовательно лицомъ, не особенно симпатичнымъ какъ для царя Алексѣя Михайловича, такъ и для всѣхъ враговъ вообще Никона, и поэтому уже одному въ царствованіе Алексѣя Михайловича онъ не могъ завязать съ русскимъ правительствомъ какихъ либо особенно близкихъ отношеній. Но съ возшествіемъ на престолъ Θεодора Алексѣевича обстоятельства измѣнились и Досиѳей приглашенъ былъ самимъ русскимъ правительствомъ снова принять участіе въ дѣлѣ Никона.

Мысль простить осужденнаго Никона и возвратитъ ему званіе патріарха, кажется, не была вовсе чужда и самому

¹⁾ Кн. П, гл. X, пар. 6. Хрисанъ, племянникъ Досиѳея и преемникъ его на іерусалимской патріаршей каѳедрѣ, напечатавшій его Исторію патріарховъ іерусалимскихъ, по поводу приведеннаго нами отзыва Досиѳея о Лигаридѣ, дѣлаетъ такое любопытное замѣчаніе: „Сей Писій Лигаридъ, прежде дѣйствительно преданный латинству, пришедши въ царствующую Москву, сдѣлался ревностнымъ поборникомъ восточной церкви. Посему онъ много писалъ на латинскомъ языкѣ противъ лютеро-кальвинистовъ, былъ противникомъ Никона и, пришедши въ Кіевъ, много училъ тамъ въ чистотѣ православія, и съ пользою, и публично и частно; писалъ пространно на латинскомъ языкѣ о происхожденіи св. Духа отъ единаго Отца и противу папской власти. Мы видѣли сіи сочиненія его въ Кіевѣ у боголюбиваго митрополита сего города Варлаама Гіачинскаго. Онъ умеръ въ покаяніи и исповѣданіи и православные россияне въ Кіевѣ воспоминаютъ объ немъ съ любовію и уваженіемъ. А славный господинъ нашъ (т. е. Досиѳей), знавши только прежнюю жизнь сего мужа, а не послѣдующее покаяніе и исправленіе его, и здѣсь, и въ предисловіи къ книгѣ о любви показываетъ, какъ ревнителямъ православія писать противъ его сочиненій“.

Алексѣю Михайловичу, который всегда сильно жалѣлъ своего бывшаго „собиннаго друга“. По крайней мѣрѣ въ грамотѣ царя Θεодора Алексѣевича къ восточнымъ патріархамъ о разрѣшеніи Никона говорится, что Алексѣй Михайловичъ „воспоминати того (запрещенія Никона) любве ради Христовы не благоволилъ“, а александрійскій патріархъ въ грамотѣ къ государю, по поводу разрѣшенія Никона, заявляетъ, что ему будто бы сообщено царскими послами, „яко сичевую боголюбезную мысль имяше и иже во блаженной памяти приснопоминаемый отецъ вашъ, великій государь, царь и самодержецъ: во еже простити онаго блаженнаго (т. е. Никона) и патріаршаго званія удостоити“¹⁾. Имѣлъ ли дѣйствительно Алексѣй Михайловичъ намѣреніе возвратитъ Никону патріаршее достоинство, или нѣтъ, но только его сынъ, Θεодоръ Алексѣевичъ, не смотря на сопротивленіе патріарха Іоакима, рѣшился добитися разрѣшенія Никона при посредствѣ восточныхъ патріарховъ. Въ іюлѣ 1681 года въ Константинополь отправлены были послы, окольничій Ілья Ивановичъ Чириковъ и дьякъ Прокопій Возницынъ, для заключенія мира съ турками. Посламъ поручено было въ тоже время выхлопотать у восточныхъ патріарховъ разрѣшеніе для Никона, причемъ они не должны были жалѣть царской казны, если она потребуется. Наше правительство въ этомъ дѣлѣ рассчитывало главнымъ образомъ на содѣйствіе Досиѳея, который, какъ мы видѣли, былъ сторонникомъ Никона и ранѣе не одобрялъ тѣхъ, которые добивались осужденія и низверженія Никона. Прибывъ въ Константинополь Возницынъ (Чириковъ умеръ дорогою) прежде всего обратился къ іерусалимскому патріарху Досиѳею, который охотно взялся устроить все это дѣло т. е. добыть отъ другихъ восточныхъ патріарховъ разрѣшительныя грамоты Никону. Въ своемъ „Статейномъ спискѣ“ Возницынъ рассказываетъ: „февраля въ 6 день (1682 г.) дьякъ Прокофій Возницынъ посылалъ къ святѣйшему іерусалимскому Досиѳею патріарху переводчика Константина Христофорова да подъячаго Михаила Совина, а велѣлъ имъ ему говорить, что присланы къ нему святѣйшему

¹⁾ Турецкіе статейные списки № 20, л. 382 и 731.

патріарху великаго государя, его царскаго величества, грамоты и жалованье, а велѣно тѣ царскаго величества грамоты ему подать и онъ бы ему объявилъ, какъ тому время будетъ. И святѣйшій патріархъ говорилъ ему, чтобъ онъ, Прокофей, тѣ царскаго величества грамоты къ нему прислалъ, а самому итти къ нему для подозрѣнія отъ турокъ нельзе, а совершитца де то что ему у него быть по времени. И дьякъ Прокофей Возницынъ отъ великаго государя грамоты къ нему отослалъ съ тѣми-жъ переводчикомъ и подъячимъ, а велѣлъ, отдавъ ему тѣ великаго государя грамоты, говорить, чтобъ онъ, ища великаго государя къ себѣ милости, учинилъ по его государскому желанію; да ему-жъ велѣлъ сказать, что есть у него, Прокофья, его царскаго величества грамоты и жалованье къ цареградскому и къ александрійскому и къ антиохійскому патріархомъ о тѣхъ же дѣлехъ, и какъ бы тѣ царскаго величества грамоты къ нимъ донести, о томъ онъ, Прокофей, проситъ у него святѣйшаго патріарха совѣту. — И переводчикъ Константинъ и подъячей, пришедъ къ нему, Прокофью, сказали, что они царскаго величества грамоты ему отдали, а онъ тѣ царскаго величества грамоты принялъ честно и приказалъ де къ нему, Прокофью, что онъ съ цареградскимъ патріархомъ увидитца и о томъ ему скажетъ, а какъ онъ о томъ похочетъ учинить и онъ про то объявить; и къ антиохійскому и къ александрійскому патріархомъ, если похочетъ онъ, Прокофей, и онъ бы тѣ царскаго величества грамоты отдалъ ему, а онъ ихъ къ нимъ отошлетъ, а о жалованье де царскаго величества, которое съ нимъ есть, они отпишутъ, кому они велятъ принять. — И февраля въ 7 день дьякъ Прокофей Возницынъ великаго государя грамоты, которыя посланы къ александрійскому и къ антиохійскому патріархомъ, отослалъ къ іерусалимскому патріарху съ переводчикомъ Константиномъ Христофоровымъ и велѣлъ ихъ ему отдать и говорить, чтобъ онъ, святѣйшій патріархъ, тѣ царскаго величества грамоты къ нимъ послалъ и писалъ, чтобъ они учинили по желанію великаго государя нашего, его царскаго величества, и есть ли онъ то радѣніемъ своимъ учинить, и ему за то царскаго величества жалованья будетъ. И переводчикъ Константинъ Христофоровъ

пришедъ сказалъ, что царскаго величества грамоты ему отдалъ и о томъ ему говорилъ, и святѣйшій патріархъ въ томъ дѣлѣ радѣть хотѣлъ и къ патріархомъ отъ себя писать будетъ. Да онъ же де къ нему, Прокофью, приказалъ, что онъ съ царегородскимъ патріархомъ видѣлся и томъ, о чемъ ему велѣно, говорилъ, и царегородской де патріархъ сказалъ, что онъ царскаго величества грамоты тайно принимать не смѣетъ, а лучше де то учинить явно, чтобъ въ томъ впредь опасенія не было, и совершится де то дѣло, какъ онъ Прокофей когда ни есть будетъ у него. — Февраля въ 12 день дьякъ Прокофей Возницынъ былъ на іерусалимскомъ подворьѣ у обѣдни и съ святѣйшимъ патріархомъ ведѣлся и о тѣхъ дѣлехъ, о которыхъ къ нему и къ инымъ патріархомъ царскаго величества въ грамотахъ писано, говорилъ, и святѣйшій патріархъ о томъ радѣть и служить великому государю обѣщался и говорилъ, чтобъ всѣ тѣ дѣла положилъ на него патріарха. — Въ разные числа дьякъ Прокофей Возницынъ, выдався съ іерусалимскимъ патріархомъ въ церкви Божіи, говорилъ ему о дѣлѣ, о которомъ писано великаго государя къ нему въ грамотѣ, и іерусалимскій патріархъ, служа великому государю, говорилъ ему Прокофью, что онъ то дѣло къ совершенію приведетъ и братью свою антиохійскаго и александрійскаго патріарховъ о томъ чрезъ письмо свое будетъ просить“. Послѣ этихъ переговоровъ съ Досиѣемъ, Возницынъ отправилъ донесеніе въ Москву къ государю, въ которомъ писалъ: „я, холопъ твой, іерусалимскому патріарху ваши, великаго государя, грамоты отослалъ, и которые писаны къ александрійскому и къ антиохійскому и тѣ къ нимъ чрезъ іерусалимскаго патріарха посланы и не въ одно время. О томъ вашемъ дѣлѣ (т. е. о разрѣшеніи Никона) я, холопъ твой, іерусалимскому патріарху говорилъ и іерусалимской, государь, патріархъ, служа вамъ, великому государю, то дѣло обѣщался привести къ совершенію и братью свою антиохійскаго и александрійскаго патріарховъ о томъ чрезъ письмо свое просить, и сказалъ мнѣ, холопу твоему, что то дѣло къ совершенію по вашему государскому изволенію придетъ, и хотѣлъ написать каковымъ быть прощальнымъ грамотамъ образцовое письмо и прислать ко мнѣ, холопу тво-

ему; а съ цареградскимъ, государь, патриархомъ я, холопъ твой, до сего времени не видѣлся“.

Такимъ образомъ изъ приведеннаго нами разсказа посла Возницына оказывается, что все дѣло о разрѣшеніи п. Никона совершилось при посредствѣ Досиѳея, который былъ главнымъ дѣятелемъ и устройтелемъ этого дѣла: онъ велъ предварительныя переговоры съ константинопольскимъ патриархомъ, списывался съ патриархами антиохійскимъ и александрийскимъ, онъ же писалъ „и образцовое письмо, каковымъ быть прощальнымъ грамотамъ“, такъ что, свидѣтельствуешь Возницынъ, „только радѣніе въ томъ и служба къ великому государю святѣйшаго Досиѳея іерусалимскаго патриарха“ помогли ему благополучно устроить все это дѣло, къ которому другіе восточные патриархи отнеслись не особенно сочувственно, ибо, по замѣчанію Возницына, только „по многой доукѣ отдали тѣ прощальныя грамоты“ и притомъ только уже предъ самымъ отъѣздомъ посла¹⁾.

Послу Возницыну кромѣ наказа выхлопотать у восточныхъ патриарховъ разрѣшеніе Никону данъ былъ еще и слѣдующій тайный наказъ: „усмотря время, когда пристойно, говорить Прокофью константинопольскому патриарху *отъ себя*, буди мочно, для чего кievская митрополія колико лѣтъ пагыря не имѣеть, и спрашивать его о томъ пространными разговорами и довѣдыватца того всякими мѣры, какъ мочно: повелитъ ли онъ, патриархъ, кievской митрополіи со всѣми духовными быть подъ благословеніемъ святѣйшихъ патриарховъ московскихъ и всеа Русіи? А ты константинопольскому патриарху предлагаешь для имени христіанскаго *отъ себя*, чтобъ благочестивая христіанская вѣра распространялась и церкви Божіи умножались, и всячески о томъ провѣдывать тайно: поступитъ ли онъ въ то дѣло крѣпко,—о томъ развѣдать, а чтобъ патриархъ о томъ не дознался и въ малой бы Россіи о томъ не свѣдали никто и кромѣ-бъ тебя никто того не вѣдалъ,—говорить о томъ съ великимъ остерегань-

1) Турецкіе статейные списки № 20, л. 468 об.; № 21, лл. 120 — 125, 202 об. Самыя разрѣшительныя грамоты патриарховъ Никону напечатаны въ Собр. госуд. гр. и дог. IV, №№ 135—140.

емъ“¹⁾. Удалось ли Возницыну исполнить этотъ тайный наказъ, неизвѣстно, такъ какъ его „Статейный списокъ“ объ этомъ ничего не говоритъ. Но когда между московскимъ правительствомъ и гетманомъ Самойловичемъ уже рѣшено было сдѣлать кievскимъ митрополитомъ Гедеона Четвертинскаго съ тѣмъ, чтобы онъ поставленъ былъ московскимъ патриархомъ, тогда, въ декабрѣ 1684 года, въ Константинополь отправленъ былъ спеціальный посоль грекъ Захарій Ивановъ или Софиръ съ царскими грамотами и подарками къ константинопольскому патриарху съ цѣлю добыть у него отпустительную грамоту на кievскую митрополію. Константинопольскій патриархъ однако отказался совершить это дѣло безъ разрѣшенія визиря. Онъ совѣтывалъ только московскому правительству послать отъ себя къ визирю грамоту съ просьбой разрѣшить патриарху вести дѣло о кievской митрополіи открыто, такъ такъ дѣйствовать тайно отъ визиря онъ, патриархъ, боится²⁾. Но московское правительство поступило иначе. Не входя въ новыя сношенія съ константинопольскимъ патриархомъ, оно, съ согласія гетмана Самойловича, рѣшилось поставить въ Кіевъ митрополита собственной властію. Дѣйствительно Гедеонъ Четвертинскій былъ поставленъ, какъ извѣстно, въ кievскіе митрополиты московскимъ патриархомъ Іоакимомъ, которому онъ далъ обѣщаніе во всемъ зависѣть отъ него. Такимъ образомъ кievская митрополія фактически была подчинена московскому патриарху, и нашему правительству оставалось только оформить это дѣло—получить отъ константинопольскаго патриарха формальное утвержденіе уже совершившагося факта. Съ этою цѣлю въ ноябрѣ 1685 года въ Константинополь былъ отправленъ особый посоль, дьякъ Никита Алексѣевъ, къ которому въ Малороссіи присоединился и особый посоль отъ гетмана, Иванъ Лисица. Съ Алексѣевымъ государи посылали константинопольскому патриарху дары и грамоту, въ которой просили его дать отпустительную грамоту на кievскую митрополію. Въ то же время государи послали 200 золотыхъ и іерусалимскому патриарху Досиѳею и велѣли написать въ наказѣ Никитѣ Алексѣеву, „чтобы домо-

1) Турецкіе статейные списки № 20, л. 480.

2) Ibid. № 25, лл. 329—336; № 26, лл. 36—39.

гаться ему у іерусалимскаго патріарха, чтобъ онъ, для царскаго величества милости, съ константинопольскимъ патріархомъ совѣтываль, чтобъ царскаго величества по грамотѣ о кievской митрополи константинопольскій патріархъ къ великимъ государямъ отпустительную грамоту съ нимъ, Никитою, послалъ, и у той грамоты и евобъ іерусалимскаго патріарха рука подписана была, и какъ по тому совѣту іерусалимскаго патріарха константинопольскій патріархъ отпустительную грамоту дастъ, и Никитѣ іерусалимскому патріарху великихъ государей милостыню тѣ двѣсти червонныхъ золотыхъ отдать и къ великимъ государемъ взять листъ“. Никита Алексѣевъ точно выполнилъ данную ему инструкцію. Когда, прибывъ въ Адрианоуполь, онъ узналъ здѣсь, что ему безъ особаго разрѣшенія визиря никакъ нельзя видѣться съ константинопольскимъ патріархомъ, „тогда искалъ Никита времени, рассказываетъ его „Статейный списокъ“, какъ бы видѣтца со святѣйшимъ Досиеемъ іерусалимскимъ патріархомъ прежде, не бывъ у визиря на приѣздѣ. И послалъ Никита къ нему тайно греченина кievскаго жителя Стефана (котораго онъ взялъ себѣ въ толмачи) говорить, чтобъ ему, Никитѣ, велѣлъ онъ, патріархъ, быть у себя, какъ онъ изволить, а есть до него святѣйшаго патріарха отъ великихъ государей говорить дѣло ему, Никитѣ, словесно наказано. И іерусалимскій патріархъ Досиеей приказывалъ къ Никитѣ чрезъ тогожь греченина Стефана, что ему Никитѣ, не бывъ прежде у визиря, никоими мѣры видѣтца съ нимъ патріархомъ невозможно, потому что онъ опасенъ, чтобъ не подсмотрѣли турки, а какъ онъ будетъ у визиря на приѣздѣ, и ему, Никитѣ, съ нимъ, патріархомъ, видѣтца будетъ безопасно“. Тогда Никита побывалъ у визиря и въ тотъ же день послѣшилъ отправиться къ Досиеею и сталъ ему говорить, по наказу, объ отпущеніи кievской митрополи. Досиеей отвѣчалъ, что объ этомъ дѣлѣ онъ уже знаетъ, такъ какъ константинопольскій патріархъ Іаковъ, ранѣе получившій объ этомъ грамоту государей чрезъ грека Зофира, не могъ ничего учинить безъ совѣта съ другими патріархами, „потому что, говорилъ Досиеей, въ правилехъ св. отецъ написано, что архіерею изъ подъ своей епархіи въ иную паству

благословенія и отпущенія иному никому не подавать, и въ томъ онъ патріархъ Досиеей константинопольскому Іакову патріарху совѣтывать и наговаривать не будетъ“. — „И Никита говорилъ: какая въ томъ святѣйшему константинопольскому патріарху радость, что отступникъ св. восточныхъ церкви, епископъ Шумлянскій, которой недавно присталъ къ римскому костелу, дерзаетъ писатись блюстителемъ оной кievской митрополи, и всѣхъ тамошнихъ жителей приводятъ и прельщаютъ къ тое ереси — въ унию и повиновенію, а то чинилося за вдовствованиемъ кievской митрополи, что многіе лѣта не имѣла пастыря; а нынѣ по изволенію великихъ государей, ихъ царскаго величества, и сестры ихъ царской, великіе княгини благовѣрные царевны, и по совѣту отца ихъ и богомольца святѣйшаго Іоакима и всего освященнаго собора, за приношеніемъ челобиття къ нимъ, великимъ государемъ, подданнаго войска запорожскаго гетмана Ивана Самойловича и генеральныхъ войсковой старшины и всего причта духовнаго, обранъ вольными гласы единомысленно и единогласно на элекции въ Кіевѣ, въ церкви св. Софіи, во 193 году на вдовствующій престоль пастыремъ преосвященный Гедеевъ, бывшій епископъ луцкій и острожскій, который прибежъ изъ польскихъ странъ отъ великаго уніятскаго гоненія, и по совершеніи элекции причтъ чина духовнаго той митрополи кievской и подданной гетманъ Иванъ Самойловичъ присылали съ челобитьемъ, чтобъ они, великіе государи, то избранія дѣло утвердить повелѣли вскорѣ, а для отпустительнаго благословенія писати къ константинопольскому патріарху. И великіе государи, ихъ царское величество, и сестра ихъ государская, великая государыня благовѣрная царевна, слушавъ того челобиття, а наипаче поборая о благочестивой восточной церкви, отрывая отъ римскаго костела, чтобъ блюстителемъ писатись не дерзали, совѣтовавъ со святѣйшимъ Іоакимомъ патріархомъ и помысля съ своимъ царскаго величества синклитомъ, указали тому нареченному митрополиту быть въ царствующій градъ Москву, которой при помощи Божіей на ту митрополию рукоположеніе въ соборной и апостольской церкви отъ святѣйшаго Іоакима патріарха московскаго воспріалъ“. — „И патріархъ говорилъ: какъ де то

учинили великіе государи, такъ они и вѣдаютъ, а они де нынѣ благословенія своего не дадутъ для того: на предѣ де сего бывало, что митрополиты кievскіе пріѣзживали для поставленія въ Царьградъ и принимали благословеніе отъ константинопольскаго патріарха, а и нынѣ изволили великіе государи писать къ нимъ о поставленіи кievскаго митрополита, и они-бъ благословеніе дали, что въ Кіевъ вольно обратъ и поставитъ святѣйшему московскому патріарху, а не вѣчно быть той епархіи за нимъ. А нынѣ де прислали просить благословенія, а ужъ и поставили, что есть церкви восточной раздѣленіе;—что де хотя ужъ поставили въ Кіевъ митрополита, то де дѣло доброе, только-бъ для благословенія на предѣ они-бъ прислали, и нынѣ онъ совѣтывать съ константинопольскимъ патріархомъ не будетъ и такова отпустительнаго благословенія конечно не дадутъ“.—„И гетманскій посланный (Иванъ Лисица), бывшій у патріарха вмѣстѣ съ Алексѣевымъ, говорилъ: когда де у великихъ государей, у ихъ царскаго величества, въ подданствѣ гетманъ Иванъ Самойловичъ и все войско запорожское и народъ малороссійской, и онъ гетманъ такъ желаетъ, чтобъ и духовный чинъ весь былъ подѣ благословеніемъ святѣйшаго московскаго патріарха,—да какъ ужъ то учинено, тому такъ и быть“.—„А потомъ Никита говорилъ: чтобы онъ, святѣйшій патріархъ, въ томъ святомъ дѣлѣ совѣтывалъ и приводилъ константинопольскаго патріарха, чтобъ отпустительное благословеніе на кievскую митрополию святѣйшему московскому патріарху и впредь по немъ будущимъ святѣйшимъ патріархомъ даль, чтобъ вольно было поставлять въ Кіевъ митрополита, потому что малороссійскому народу за дальнимъ разстояніемъ къ константинопольскому патріарху въ проѣздѣ пути и за великимъ басурманскимъ гоненіемъ и насилуваніемъ, также и за военными случаи, поставленіе и благословеніе принимать отъ него невозможно. А что Божіе дѣло изволили великіе государи у константинопольскаго патріарха съ желаніемъ просити, также и у него святѣйшаго патріарха совѣтыванія, и то для того, чтобъ впредь отступники соборные и апостольскіе церкви престоломъ митрополии кievской къ себѣ причитатъ и блюстителыми называтись, и тамо живущихъ во

благочестіи людей на свою ересь прельщати, не дерзали, и чтобъ святѣйшій патріархъ для милости царскаго величества въ томъ дѣлѣ съ константинопольскимъ патріархомъ совѣтывалъ и приводилъ къ тому святому дѣлу, и для того ему, святѣйшему патріарху, также и константинопольскому, прислано ихъ великихъ государей жалованье, а впредь ихъ царская милость отъ нихъ отъемлема не будетъ“.—„И патріархъ говорилъ, что онъ въ то дѣло конечно вступатся не будетъ и какъ де о томъ хочетъ константинопольскій патріархъ, а ему-бъ хотя-бъ была дана и великая казна, то бъ онъ такова дѣла не учинилъ, а и константинопольскому патріарху тово дѣла чинить, созвавъ митрополитовъ, безъ визирскаго указа невозможно“.—„И Никита говорилъ, что о томъ дѣлѣ, будучи у визиря на разговорѣ, говоритъ онъ, Никита, будетъ, чтобъ константинопольскому патріарху позволили бъ у него, Никиты, великихъ государей грамоту принять и къ царскому величеству ему, патріарху, о всемъ противъ ихъ государскаго изволенія писать и отпустительную грамоту послать съ нимъ Никитою; а лучше бъ было имъ святѣйшимъ патріархомъ то святое дѣло учинить не розголашая невѣрнымъ“.—„И патріархъ говорилъ: хотя де къ тому дѣлу и склонитца константинопольскій патріархъ и ему де невозможно безъ визирскаго указа царскаго величества грамоты у него принять и къ великимъ государемъ писать“.—„И Никита говорилъ, что онъ, Никита, ко ево святѣйшаго патріарха слову, взявъ Господа Бога въ помощь, въ томъ дѣлѣ визирю говорить будетъ. И отпустилъ Никиту патріархъ на подворье“. 8 апрѣля (1686 г.) Никита былъ у визиря и между прочимъ говорилъ ему, чтобъ онъ разрѣшилъ царскаго патріарху, который въ то время находился въ Адрианополѣ, принять царскую грамоту, и о чемъ государи его просятъ, „чтобъ онъ, патріархъ, учинилъ по воли царскаго величества, а изволеніе царскаго величества то, чтобъ онъ святѣйшій константинопольскій патріархъ отпустительное свое благословеніе подалъ о кievской митрополи, чтобъ той митрополи вѣчно быть подѣ благословеніемъ святѣйшаго московскаго патріарха, понеже оной митрополи въ постановленіи ея чинитца великая трудность долнаго ради отъ него

патріарха въ пути разстоянія“. — „И визирь говорилъ: призоветь де онъ патріарха къ себѣ и прикажетъ ему, что царскому величеству надобно, то бы онъ учинилъ по волѣ ихъ царскаго величества и о всемъ писалъ“. На другой день послѣ этого свиданія съ визиремъ „въ вечеру былъ Никита у іерусалимскаго патріарха Досиѳея и говорилъ ему о кievской митрополіи, чтобъ онъ, святѣйшій патріархъ, для царскаго величества милости къ себѣ, изволилъ со святѣйшимъ константинопольскимъ патріархомъ совѣтывать, чтобъ святѣйшій константинопольскій патріархъ за его совѣтомъ подалъ отпустительное благословеніе и о томъ къ великимъ государемъ, ихъ царскому величеству, свою грамоту послалъ, а онъ, Никита, по ево патріаршу слову, говорилъ визирю и визирь Діонисія патріарха хотѣлъ звать къ себѣ и о томъ ему приказать, чтобъ онъ царскаго величества грамоты принялъ и по воли ихъ государской къ нимъ великимъ государемъ писалъ“. — „И патріархъ Никитѣ говорилъ: визирь де нынѣ учинилъ въ Царьгородъ, на патріарше Іаковлево мѣсто, прежняго патріарха Діонисія и кафтанъ на него визирской надѣли апрѣля въ 7 день, а Іакову де патріарху въ Царьгородъ быть не вѣлено. И онъ де Досиѳей въ правилехъ приискалъ, что вольно всякому архіерею отпустить изъ своей епархіи и подать благословеніе иному архіерею и о томъ онъ будетъ патріарха Діонисія наговаривать, чтобъ онъ учинилъ по воли царскаго величества и самъ онъ, Досиѳей, къ царскому величеству и къ святѣйшему патріарху московскому писать будетъ особо и благословеніе отъ себя подастъ, а не вмѣстѣ съ Діонисіемъ“. — „И Никита патріарху говорилъ: можно-ль ему, Никитѣ, великихъ государей, ихъ царскаго величества и святѣйшаго Іоакима подать грамоты ему Діонисію и устоятъ-ли онъ Діонисій въ своемъ патріаршествѣ, есть-ли пріѣдетъ Іаковъ патріархъ съ митрополиты—не будетъ-ли какаго примѣненія ему Діонисію?“ — „И патріархъ говорилъ: какъ де его Діонисія отставили отъ патріаршества, и то учинилъ бывшій визирь, не любя его, а нынѣшній де визирь гораздо къ нему добръ и надеженъ онъ, Діонисій, на визиря, а Іаковъ де патріархъ не можетъ ему Діонисію ничего учинить, и чтобъ онъ, Никита, вели-

кихъ государей и святѣйшаго патріарха грамоты ему, Діонисію, подалъ и говорилъ съ нимъ о томъ дѣлѣ безъ всякаго сумнѣнія, а онъ, Досиѳей, скоро будетъ отѣзжать въ мутьянскую землю для милостыни, чѣмъ бы церкви окупить, которые въ Іерусалимѣ. И подчивалъ патріархъ Никиту каговою и отпустилъ на подворье“. 13-го апрѣля Досиѳей призывалъ къ себѣ Никиту Алексѣева и гетманскаго посла и говорилъ имъ, что онъ завтра, 14-го числа, уѣзжаетъ въ мутьянскую землю и посылаетъ отъ себя великимъ государямъ, патріарху Іоакиму и кievскому митрополиту отпустительныя грамоты, „и Діонисій де патріархъ, говорилъ Досиѳей, по его совѣту хотѣлъ все учинить по воли великихъ государей, ихъ царскаго величества, и отпустилъ на подворья. И того числа въ вечеру прислалъ къ Никитѣ іерусалимской патріархъ Досиѳей съ архидіакономъ своимъ грамоты къ великимъ государемъ, ихъ царскому величеству, и къ сестрѣ ихъ государской къ великой государынѣ и благовѣрной царевнѣ, и къ святѣйшему Іоакиму патріарху московскому, да два листа царскаго величества къ ближнему боярину, третій листъ къ кievскому Гедону митрополиту и ко властемъ, которые бывали напередъ сего епархіи кievской. И Никита тѣ грамоты и листы у архидіакона принялъ, и говорилъ архидіаконъ: которое де великихъ государей жалованье объявилъ онъ, Никита, святѣйшему патріарху, и онъ бы то отдалъ. И того числа въ вечеру ходилъ Никита съ гетманскимъ посланнымъ къ іерусалимскому патріарху и великихъ государей, ихъ царскаго величества, и сестры ихъ государской, великой государыни благовѣрные царевны, жалованье ему, патріарху, двѣсти золотыхъ поднесъ. И патріархъ принявъ у Никиты на ихъ государскомъ жалованьи билъ челомъ“. 5-го іюня и патріархъ константинопольскій вручилъ Никитѣ отпустительныя грамоты на кievскую митрополію, причемъ Никита вручилъ ему 200 золотыхъ, а ранѣе тайно, по просьбѣ патріарха, послалъ ему три сорока соболей. Принявъ отъ Никиты золотые патріархъ Діонисій говорилъ царскому послу, что „онъ, патріархъ, кievскую митрополію отдаетъ святѣйшему патріарху московскому не для такой царскаго величества милостыни и присылки, только

видя, что въ грамотѣ царскаго величества къ нему писано, что нѣкоторой отмѣтникъ апостольскія церкви, Шумлянскій, держаетъ писатись кievскою митрополіею и прельщаетъ народъ благочестивый къ унеѣ, и ему то, святѣйшему патріарху, зѣло болѣзненно. А се и для того онъ, патріархъ, отпустительное благословеніе подалъ, что писалъ нынѣ гетманъ Иванъ Самойловичъ съ посланнымъ своимъ, и въ листу своемъ написалъ, что онъ гетманъ со всѣмъ народомъ малороссійскимъ духовнымъ и мірскимъ челобитье свое доносилъ великимъ государемъ, чтобъ та кievская митрополія была подъ благословеніемъ святѣйшаго московскаго патріарха. А у нихъ въ Царѣгородѣ, замѣтилъ въ заключеніе патріархъ, вѣдомость была, что изволили великіе государи, ихъ царское величество, и святѣйшій московскій патріархъ, то учинить, а народъ малороссійской духовной и мірской тово не желаютъ. И если-бъ нынѣ такова отъ гетмана листа не было, то-бъ онъ такова отпустительнаго благословенія никогда не далъ¹⁾.

Изъ приведенныхъ выписокъ „Статейнаго списка“ посла Никиты Алексѣева оказывается, что и въ вопросѣ объ отпускѣ кievской митрополіи Досиѣей принималъ живое и дѣятельное участіе, такъ какъ само русское правительство содѣйствіе Досиѣея въ этомъ дѣлѣ считало необходимымъ, почему и дало своему послу особый наказъ домогаться у Іерусалимскаго патріарха, чтобы онъ совѣтывалъ константинопольскому патріарху дать отпустительную грамоту на кievскую митрополію. Очевидно русское правительство видѣло въ Досиѣеѣ не только человѣка преданнаго Россіи и всегда готоваго дѣйствовать въ русскихъ интересахъ, но и человѣка очень вліятельнаго на православномъ востокѣ, отъ котораго во многомъ зависитъ такой или иной исходъ возбужденнаго дѣла о подчиненіи кievской митрополіи московскому патріарху. Конечно поэтому оно желало, чтобы подъ отпустительною грамотою на кievскую митрополію, на ряду съ подписью константинопольскаго патріарха, была и подпись

¹⁾ Турецкіе статейные списки № 26, л. л. 43, 53—61, 78—79, 87—90, 94 об.—98, 129—136.

Досиѣея, какъ лица особенно авторитетнаго и уважаемаго на всемъ православномъ востокѣ. Но, какъ мы видѣли, Досиѣей въ этомъ случаѣ далеко не вполне оправдалъ надежды, возлагавшіяся на него русскимъ правительствомъ по этому дѣлу. Онъ съ трудомъ и очень неохотно соглашался на подчиненіе кievской митрополіи московскому патріарху, убѣжденный что это дѣло не совсѣмъ правое, и если въ концѣ все-таки согласился, то уступая только необходимости, такъ какъ, въ виду приказанія визиря константинопольскому патріарху исполнить требованіе московскихъ царей, это дѣло устроилось бы и помимо Досиѣея, который своимъ дальнѣйшимъ сопротивленіемъ и неуступчивостію могъ только испортить свои добрыя отношенія къ русскому правительству, не помѣшавъ въ тоже время самому дѣлу подчиненія кievской митрополіи московскому патріарху. Но согласившись въ концѣ концовъ на отпускъ кievской митрополіи, Досиѣей отказался однако подписаться подъ отпустительною грамотою вмѣстѣ съ константинопольскимъ патріархомъ, такъ какъ рѣшили послать отъ себя царямъ особую грамоту, въ которой онъ довольно откровенно высказалъ свой взглядъ на дѣло подчиненія кievской митрополіи московскому патріарху, отнесшись къ этому факту прямо неодобрительно и съ порицаніемъ.

Въ своей грамотѣ московскимъ царямъ Досиѣей одобряетъ самый фактъ поставленія московскимъ патріархомъ кievскаго митрополита, какъ дѣло доброе и согласное съ практикою православной вселенской церкви, которая въ особыхъ случаяхъ дозволяетъ патріархамъ и митрополитамъ низвергать патріарховъ и митрополитовъ другихъ кафедръ и на мѣсто низвергнутыхъ ставить новыхъ благочестивыхъ. Но въ тоже время онъ рѣшительно не одобряетъ и не похвалаетъ того обстоятельства, что московскій патріархъ, посвятивъ кievскаго митрополита, подчиняетъ его со всею митрополіею своей власти, дѣлаетъ кievскую митрополію своею епархіею. „Во первыхъ, пишетъ Досиѣей, слѣдуетъ довольствоваться своимъ, а не на всякій день новое изыскивать, какъ сіе обычно и въ иныхъ искательствахъ, за коими слѣдуетъ мало по малу киченіе и пренебреженіе братіи, какъ и папамъ сіе

приключилось по гордости. Когда же отложены бывають отеческія правила, появляются новыя, въ коихъ есть и суетное, посему и говорить писаніе, не преложиши предѣлы вѣчные, яже положиша отцы твои. Во вторыхъ, до такой степени мнится порочнымъ въ церкви желаніе чужихъ епархій и для первыхъ іереевъ, что и антиохійскій патріархъ отъ вселенскаго третьяго собора, когда хотѣлъ хиротонисать кипрскаго архіепископа, весьма укоренъ былъ и осудилъ его самолюбіе ликъ оный святыхъ отцевъ“. Но мало того, что подчиненіе кievской митрополіи московскому патріарху не согласно, по мнѣнію Досиоея, съ церковными правилами, самый способъ, какъ оно было достигнуто казался Досиоею неправильнымъ, предосудительнымъ и даже опаснымъ. Если русское правительство уже нашло необходимымъ почему нибудь хлопотать объ отпускѣ кievской митрополіи, то разрѣшенія на это нужно было просить не у одного константинопольскаго патріарха, такъ какъ онъ одинъ сдѣлать это не имѣлъ права, но у всѣхъ четырехъ восточныхъ патріарховъ, какъ представителей всей православной церкви, къ нимъ всѣмъ, а не къ одному только константинопольскому патріарху слѣдовало обратиться съ просительною грамотою объ отпускѣ кievской митрополіи и получить отпустительную грамоту не отъ константинопольскаго одного, но отъ всѣхъ патріарховъ „въ единой хартіи“. Попрошу и я, пишетъ Досиоей, патріархи московскіе, хиротонисуемые отъ Іова и до Никона, кого вопрошали: константинопольскаго ли единого или и прочихъ? Явно есть, что только константинопольскаго. Но когда былъ совѣтъ о хиротонисаніи перваго изъ нихъ, не оставили сего безъ вопроса и не константинопольскаго только спросили, но и прочихъ, и не особенно, но вкупѣ“. По мнѣнію Досиоея русское правительство должно было не просить патріарховъ объ отпускѣ кievской митрополіи, а требовать этаго отъ нихъ, „если сіе не противно законамъ и если отъ сего не послѣдуетъ что либо противное или непристойное. Но особенно огорчаетъ Досиоея тотъ приемъ, съ помощію котораго русскій посоль старался получить отпустительную грамоту отъ константинопольскаго патріарха. Отпуска кievской митрополіи слѣдовало, по мнѣнію Досиоея, „не просить чрезъ

деньги, но просто ради вѣры и пользы вѣрныхъ, не такъ какъ нынѣ, когда честнѣйшій вашъ посланникъ извѣщалъ намъ: что если дадимъ грамоту, дастъ и милостыню, а если не дадимъ,—не дастъ... И подобаешь ли, съ горечью писать Досиоей, сей апостольской церкви великія Москвы просить у матери своей, восточной церкви, духовныхъ дарованій за деньги? Неужели грамота она, которую приемень честность его отъ константинопольскаго и такого рода прошенія, ради денегъ, праведны? И достоинство имѣеть ли такая грамота? ¹⁾ Затѣмъ Досиоей указываетъ на ту опасность, какая угрожаетъ православію отъ подчиненія кievской митрополіи московскому патріарху, именно: нѣкоторые православные въ Польшѣ и на Украинѣ могутъ сдѣлаться непослушны кievскому митрополиту, какъ не хиротонисанному константинопольскимъ патріархомъ, отчего послѣдуетъ схизма и словопреніе и даже еще худшее: недовольные могутъ обратиться къ константинопольскому патріарху съ требованіемъ поставить имъ отдѣльнаго митрополита, и патріархъ, „ради малыхъ денегъ“, рѣшится поставить имъ митрополита, отчего послѣдуетъ „соблазнъ и развратъ“. Возвращаясь затѣмъ снова къ своей основной мысли, что обращать кievскую митрополію въ епархію московскаго патріарха никакъ бы не слѣдовало и что ссылка на отдаленность Кіева отъ Константинополя никакъ не можетъ этаго оправдывать, Досиоей говоритъ: „хотя и далеко Царьградъ, однако съ тѣхъ поръ, какъ возсіяло въ россіяхъ праведное солнце чрезъ вѣру, даже до вчерашняго дня, не повредила дальность пути сѣверной церкви, наипаче же виною было пользы многой для многихъ. Хотя

¹⁾ Самъ Досиоей принялъ однако царскую милостыню, которая ему была назначена за хлопоты по дѣлу о кievской митрополіи. По этому поводу, въ письмѣ къ князю Василю Васильевичу Голицыну, Досиоей пишетъ, что посоль Никита Алексѣевъ далъ ему „двѣста червонныхъ золотыхъ, милость святыхъ и державныхъ царей св. Гробу, которое мы въ такомъ времени и въ такомъ дѣлѣ, не хотѣли мы взять—ниже много ниже мало, наипаче же, что мы имѣемъ иную надежду къ святѣйшему дому самодержавнѣйшихъ царей; токмо помышляя, да не покажемся тяжки и да не подадимъ нѣкій знакъ лавомства въ насъ, воспріяли есмы и послали въ святой градъ Іерусалимъ“. (Греческія дѣла 7195 г. № 3).

и работаеть Царьградъ язычникамъ, продолжаеть Досиѳея, но близь семи лѣтъ работала и Антиохія арабамъ и была третья часть епархіи антиохійской подь благочестивымъ царемъ греческимъ; однако не взялъ константинопольскій патриархъ ниже стопу ноги отъ епархіи антиохійской, наипаче же посылались каждый годъ царскіе послы къ султанамъ Вавилона и Египта, чтобы имѣть церковный миръ“. Заканчивая свои доводы въ пользу той мысли, что кievская митрополія не должна бы быть епархіей московскаго патриарха, Досиѳея говоритъ въ заключеніе: „сихъ ради и таковыхъ причинъ не похваляемъ мы начинаніе брата нашего, однако похвалили желаніе державнѣйшаго и святаго вашего царствія только посѣщенія ради; но паки говоримъ по божественному апостолу: аще нещеваніемъ ими истинно Христось возвѣщается. И такъ, хотя бы ради самолюбія церковниковъ, или ради иной вины, быть можетъ и благословной, такъ случилось, радуемся, что Кіевъ имѣеть митрополита и хиротонію его приедемъ и прочая оставляя, молимся Владыкѣ Христу, да дастъ ему силу править благо и благоугодно“. Изъ заключительныхъ словъ грамоты Досиѳея къ царямъ видно, что виною подчиненія кievской митрополіи московскому патриарху онъ считалъ „самолюбіе церковниковъ“; другими словами, самолюбіе патриарха Іоакима, который устроилъ все это, по мнѣнію Досиѳея, очень прискорбное дѣло. Этотъ свой взглядъ Досиѳея прямо и откровенно высказалъ въ особой грамотѣ къ патриарху Іоакиму, гдѣ онъ пишетъ: „нѣкій верхъ злыхъ насъ сокрушаетъ и насъ сущатъ церковныя смущенія и бури, самолюбное же и зарватное, и несѣтость славы, и желаніе чуждихъ, которое зло нетокмо нынѣ здѣ преизлишествуетъ, но достигнуло даже и до васъ... Недовлѣеть еже бысть митрополія московская патриаршескій престоль, даде же и церковь волю, да рукополагается отъ своего собора и почитается всѣми патриаршескими чины; но еще ищите взяти и чуждую епархію... Ащебы нѣчто нужно быти сему, еже просите, мы и Іерусалимъ бы сотворили епископію, и ноги бы ваша мысли, якоже Христось сотворилъ ко устроенію церкви. Но кромѣ нужды для чего да движутся предѣлы отеческія? И кто можетъ сія да простить?.. Довольно бы было

братской твоей любви, да еси намѣстникъ константинопольскаго патриарха, да испытываеши того кievскаго митрополита, и да повелѣваеши ему, и да судиши его, и предразсуждаеши, ако присны домостроитель; и была бы честь ваша, и преданія церковная невредимы бы были, и христіане бы были тоя митрополіи мирны. И такъ совѣтуемъ, и сіе есть праведное и непорочное во церкви Христовѣ и въ день Господень, и да не гнѣвается и Богъ въ такихъ вещѣхъ¹⁾.“

Сопровиженіе Досиѳея дѣлу подчиненія кievской митрополіи московскому патриарху руководила, конечно, ревность о сохраненіи церковныхъ установленій и обычаевъ, которые, по его мнѣнію, нарушались этимъ фактомъ. Но, съ другой стороны, у него могли быть и иныя побужденія энергично настаивать на той мысли, что перемѣна политической власти въ извѣстной области, не должна непрѣмѣнно сопровождаться и перемѣною въ ней власти церковной. Не даромъ, конечно, Досиѳея, въ грамотѣ къ царямъ, указывалъ на тотъ фактъ, что когда Антиохія зависѣла отъ арабовъ, а третья часть патриархата антиохійскаго въ то же время находилась подь властію благочестивыхъ греческихъ императоровъ, то константинопольскій патриархъ и не подумалъ подчинить своей церковной власти тѣ области антиохійскаго патриархата, которыя находились тогда подь властію греческаго императора, — церковная власть и въ этихъ областяхъ попрежнему принадлежала антиохійскому патриарху. Такія разсужденія Досиѳея вызывались у него заботами о тѣхъ возможныхъ отношеніяхъ, какія въ недалекомъ, по его мнѣнію, будущемъ могутъ открыться между все болѣе усиливающейся Россією и между все болѣе слабѣющею и видимо начинающею разлагаться Турцією. Досиѳея искренно и глубоко сочувствовалъ развитію политическаго могущества и процвѣтанія Россіи, желалъ, чтобы она расширялась особенно на счетъ Турціи, въ чемъ онъ видѣлъ залогъ будущей свободы грековъ,

1) Грамота государей къ констант. патриарху о кievской митрополіи, отпустительная грамота конст. патриарха и грамоты Досиѳея къ царямъ, патриарху Іоакиму; къ малороссійскому духовенству и народу напечатаны въ пятомъ томѣ Архива Юго-Западной Россіи.

онъ желалъ, вмѣстѣ съ другими греками, чтобы русскій царь сдѣлался преемникомъ византійскихъ императоровъ, изгнавъ предварительно турокъ изъ Константинополя. Но въ то же время Досиѳею вовсе не желалъ того, чтобы вмѣстѣ съ развитіемъ политическаго могущества Россіи, все шире и шире развивалось и сфера ея церковнаго вліянія и власти въ предѣлахъ Турціи. Если Москва, подчиняя себѣ разные православные народы политически, вмѣстѣ съ тѣмъ будетъ подчинять ихъ себѣ и церковно, какъ это уже случилось съ Малороссіей, то въ концѣ концовъ окажется, что московскій патріархъ подчинитъ своей церковной власти большинство православнаго міра, въ ущербъ правамъ и власти другихъ православныхъ патріарховъ. Досиѳею хорошо было извѣстно, что Россіи непрочь подчиниться Грузія, что къ этому стремятся Молдавія и Валахія: что же однако будетъ, если Россія подчинивъ себѣ эти земли политически, чего желалъ и самъ Досиѳей, въ то же время подчинитъ ихъ себѣ и въ церковномъ отношеніи? Не усилятся-ли тогда безмѣрно власть и значеніе московскаго патріарха въ ущербъ другимъ восточнымъ патріархамъ и не падетъ-ли тогда окончательно значеніе послѣднихъ? Досиѳею хотѣлъ предупредить опасность, грозящую, по его мнѣнію, въ недалекомъ будущемъ правамъ и положенію другихъ восточныхъ патріарховъ, благодаря дальнѣйшимъ возможнымъ захватамъ со стороны патріарха московскаго. Вотъ почему онъ противился, не одобрялъ подчиненія кievской митрополии московскому патріарху, вотъ почему онъ усиленно старался доказывать и царямъ и патріарху Іоакиму, что имъ никакъ не слѣдовало подчинять кievскую митрополию московскому патріарху, такъ какъ подобное дѣяніе — желаніе чужихъ епархій, и незаконно и опасно для всего православія

ГЛАВА III.

Участіе Досиѳея въ русской церковной жизни не ограничивалось только ролью посредника между русскимъ правительствомъ и восточными патріархами въ ихъ сношеніяхъ по дѣламъ церковнымъ, но шло гораздо далѣе. Россія, по мнѣнію Досиѳея, должна была служить прочною надежною опорою всему вселенскому православію, чѣмъ она можетъ быть однако подъ тѣмъ лишь непремѣннымъ условіемъ, если вся ея собственная жизнь всегда и во всемъ останется вѣрна православію, которое должно царить на Руси въ его чистомъ и неизмѣнномъ видѣ, должно служить первою основою, главною движущею и уряжающею силою всей не только церковной, но и государственной и общественной жизни. Въ виду этого Досиѳей считалъ своею непремѣнною и священною обязанностію охранять всю вообще русскую жизнь отъ всякихъ иновѣрныхъ вліяній, которыя, проникнувъ въ томъ или другомъ видѣ на Русь, могутъ замутить въ ней чистоту православія.

Злѣйшимъ и опаснѣйшимъ врагомъ всего православія Досиѳею считалъ латинство, которое онъ приравнивалъ даже прямо къ безбожію. „Папешская прелесть, писалъ, напри- мѣръ, Досиѳею государямъ, однозначуща съ безбожіемъ, ибо что есть папешство и что есть унія, если не явное безбожіе?“ Въ другой разъ онъ такъ выражается о латинахъ: „беззаконные папешники горше нечестивыхъ и безбожныхъ; они безбожны, ибо два Бога предлагаютъ — единого на небеси, а другаго на земли“. Въ грамотѣ къ царевичу Алексѣю Петровичу Досиѳею между прочимъ пишетъ: „нынѣ укрѣпилось лукавство папешниковъ у язычниковъ и лишихомся чести, и